

— Ваше высочество, не извольте беспокоиться, мы обязательно что-нибудь придумаем. Скажите, Император упоминал при вас о предстоящей поездке?

— Упоминал ещё несколько дней назад, — с нахмуренным видом ответила си-фэй. — Он пытался завлечь меня поездкой в Башу, якобы полюбоваться видами. К счастью, ты предупредил меня заранее! Я притворилась, что до смерти боюсь высоты, и изо всех сил отнекивалась. Но этим лишь разозлила Его Величество: он даже обед не доел, сдернул лицо и ушел! Прошло уже четыре дня, а он так больше и не приходил!

Глаза Лу Цзыяо вспыхнули радостью: ситуация оказалась куда лучше, чем он предполагал.

— Раз Император не стал принуждать вас сопровождать его, это добрый знак! Его недовольство — лишь временное явление. Избежав этой беды, вы, Ваше высочество, сможете и дальше жить спокойной жизнью, а бывшее благоволение рано или поздно вернется.

— Я тоже так думала, но знаешь, что произошло дальше? Вчера ко мне во дворец пришла и-гуйжэнь, мать четвертого принца, и откровением поделилась со мной тайной: оказывается, Чуньфан раньше прислуживала тун-фэй! Эта девка с самого начала была прислана тун-фэй, чтобы навредить мне! Если бы ты до этого меня не предупредил, я бы и не поверила и-гуйжэнь. Но теперь доказательства неопровержимы: четвертый принц с детства учился вместе с третьим принцем во дворце тун-фэй и сам видел Чуньфан подле неё.

Лу Цзыяо вовсе не удивился:

— Я и сам об этом догадывался, просто прежде не был уверен, чьей именно человеком являлась Чуньфан. Я ведь даже не знал, где находится дворец ЧуСю, и её беспочвенный навет на меня явно был сделан по чьей-то указке. Так вы пригласили меня сегодня, чтобы рассказать об этой тайне Чуньфан?

— Нет! — качнула головой си-фэй. — И-гуйжэнь раскрыла мне этот секрет не просто так. Ей нужно право сопровождать Императора в поездке!

— Что? — Лу Цзыяо немного растерялся.

Какое отношение мать четвертого принца имеет к этой интриге?

Си-фэй тут же подробнейшим образом пересказала просьбу и-гуйжэнь.

Лу Цзыяо застыл в недоумении.

Как всё могло зайти так далеко?

С чего вдруг Император решил сделать козлом отпущения забытую в холодном дворце мелкую наложницу?

Раньше он считал себя неплохим аналитиком, но дворцовые интриги всё же превосходили его понимание — на мгновение мысли в его голове застопорились.

Си-фэй рассчитывала, что этот прозорливый вундеркинд прольет свет на происходящее, и никак не ожидала увидеть на лице Лу Цзыяо детскую растерянность.

— Император в любой день может сменить гнев на милость и снова прийти ко мне, — произнесла си-фэй. — Что если я напрямую передам Ему просьбу и-гуйжэнь поехать с ним? Как

думаешь, сработает?

Лу Цзыяо приоткрыл рот, всё ещё пытаясь осмыслить ситуацию.

Си-фэй вслух озвучила терзавшие её сомнения:

— Мне правда тяжело на душе... Не знай я о ловушке, скрывающейся за этой поездкой, я бы ни в коем случае не стала препятствовать желаниям других наложниц. Но теперь, когда ты раскрыл мне глаза, а и-гуйжэнь сама добровольно лезет в огненную яму, я не могу выложить ей всё прямым текстом. От этого меня не оставляет ощущение, будто я перед ней виновата... Понимаешь меня, Лу Цзыяо?

— А-а... — очнулся Лу Цзыяо и поспешно ответил: — Добросердечие Вашего высочества вполне понятно. Однако мне кажется, что и-гуйжэнь не пострадает, даже если отправится в эту поездку.

Си-фэй опешила:

— Почему? Ты же сам говорил...

— Потому что у неё и у вас совсем разное положение, — пояснил Лу Цзыяо. — Наверное, это прозвучит неуважительно по отношению к и-гуйжэнь, но у неё просто нет необходимого влияния и статуса, чтобы на неё можно было свалить вину за «пагубное влияние роковой красоты на государственные дела». Полагаю, Император вовсе не со злым умыслом завел об этом речь: либо бросил вежливую фразу мимоходом, либо...

Поразмыслив немного, Лу Цзыяо продолжил:

— Я пока не до конца разобрался в деталях, но Вашему высочеству не стоит винить себя за то, что вы не ответили и-гуйжэнь. Вероятность того, что она пострадает от этого дела, крайне мала. В гареме, помимо вас, только тун-фэй обладает достаточным весом, чтобы взять на себя дурную славу вместо Императора, но Император вряд ли станет трогать её.

— Выходит, Император по-прежнему рассчитывает, что в поездку поеду именно я? — с разочарованием спросила си-фэй.

Лу Цзыяо нахмурился и понизил голос:

— Дело не просто в надежде. Боюсь, когда придет время, Император просто издаст указ со списком сопровождающих, и ваше имя там окажется в первую очередь — если только Его Величество лично не пообещает оставить вас во дворце. А раз сейчас он избегает встреч, дело принимает скверный оборот. Скорее всего, он именно поэтому и не приходит, опасаясь, что вы снова найдете предлог отказаться...

— Так он нарочно прячется от меня! — си-фэй с силой хлопнула по чайному столику и поднялась, исполненная гнева. — В глаза лебезит и источает нежность, а сам шаг за шагом зажимает в угол и не оставляет ни единого пути к отступлению! Мужчины действительно все до единого негодяи!

Попавший под этот обобщающий удар «мужчина» Лу Цзыяо: «...»

Си-фэй повернулась, увидела невинное выражение лица Лу Цзыяо и поспешно добавила:

— Я не про тебя! В моих глазах ты еще совсем не мужчина!

Мужчина Лу Цзыяо, чье самолюбие получило очередной удар: «...»

— Я имела в виду... — попыталась исправиться си-фэй.

— Раб всё понимает! — Лу Цзыяо быстро вскинул руку, останавливая матушку потенциального Лун Аотяня от новых ударов по его гордости, и мягко упрекнул: — Ваше высочество, не волнуйтесь понапрасну. Корить кого-либо сейчас бессмысленно, остается лишь ждать следующего шага Императора. Если он навестит вас до обнародования указа, возможно, всё еще удастся переломить.

Си-фэй забеспокоилась еще сильнее:

— А когда он издаст указ? Строительство Шуского тракта растянется на годы, неужели мне придется жить в постоянном страхе всё это время? Да лучше уж умереть сразу, чем терпеть такую пытку!

Эта фраза внезапно натолкнула Лу Цзыяо на мысль. В его голове промелькнула смутная догадка, которую он не успел сразу поймать, поэтому первым делом поспешил успокоить наложницу:

— Ваше высочество, не тревожьтесь. Император обязательно утвердит список сопровождающих до того, как объявит о строительстве Шуского тракта.

Эти слова лишь сильнее подлили масла в огонь.

Эта невероятная красавица сейчас стояла с глазами, полными слез, едва не разрывая от напряжения шелковый платочек в руках. В прежнем мире Лу Цзыяо сколько богатых и влиятельных мужчин сочли бы за честь укрыть такую женщину от любых жизненных бурь!

Но ныне единственный человек, способный стать для неё защитой, сам же намеренно призывал молнии на её голову.

Поистине, у владыки каменное сердце.

Зато сердце Лу Цзыяо оставалось мягким. Едва красавица заплакала, он, совершенно забыв, что его восьмилетние плечи вряд ли способны хоть что-то выдержать, поднялся и без тени смущения произнес:

— Вашему высочеству не стоит так печалиться. Пока я рядом, да пусть хоть небо обрушится — я залезу на стол и первыми защищу вас и седьмого принца!

Услышав эти слова, си-фэй обернулась к нему, и слезы её хлынули с новой силой.

Кто бы мог подумать, что в такой критический момент лишь этот восьмилетний ребенок от всего сердца стремится защитить её и её сына!

Хотя особых надежд на Лу Цзыяо она не возлагала, её сердце растрогалось до глубины души. Сделав пару шагов, она наклонилась, крепко обняла малютку и тихо зарыдала.

* * *

Вернувшись из дворца к себе в поместье, Лу Цзыяо непрерывно прокручивал в голове ту самую

вспыхнувшую мысль.

Слова си-фэй послужили для него толчком.

«Строительство Шуского тракта растянется на годы, неужели мне придется жить в постоянном страхе всё это время?»

Сколько лет потребуется на постройку Шуского тракта...

Эта фраза настойчиво крутилась в голове Лу Цзыяо.

Сколько лет должно было занять строительство Шуского тракта до полного завершения, он не знал. В оригинальном романе работы прекратились спустя два-три года из-за бушевавшего народного недовольства и первых признаков бунта.

Хотя народные протесты тогда еще не набрали настоящей силы, они всё же тревожили первого принца.

Первый принц...

В голове Лу Цзыяо словно вспыхнула лампочка.

Он внезапно осознал: ключевая зацепка в этом деле кроется вовсе не в Императоре — воля правителя непреклонна, — и не в самом первом принце, а в причине, по которой первый принц подаст свое увещевание.

И этой причиной станет народное восстание.

Лу Цзыяо хотел сделать так, чтобы первый принц обратился с увещеванием до того, как вспыхнут беспорядки.

Но как доказать, что строительство Шуского тракта неизбежно приведет к народному бунту?

Ведь Великая Ци была далеко не первой династией, взявшейся за прокладку Шуского тракта. Еще в годы правления императора Шунь-ди династии Восточная Хань сохранились записи о челобитной чиновника с просьбой об обустройстве дороги.

В те далекие времена и орудия труда, и уровень экономики колоссально уступали нынешним: древние строители пробивали тоннели с помощью нагрева породы огнем и охлаждения водой, тогда как сегодня имелся хотя бы простой порох для взрывных работ.

Имея подобные исторические прецеденты, убедить Императора и первого принца в том, что прокладка Шуского тракта невозможна или требует неторопливого, постепенного подхода, было почти нереально.

В оригинале экономическое развитие Великой Ци соответствовало уровню династии Сун — в эту эпоху государство прочно удерживало первое место в мире. Строительство официального тракта по логике вещей не казалось чем-то чрезмерным, да и сам Император, вероятно, не представлял всей колоссальной сложности работ.

Используя любимую наложницу как прикрытие, он в первую очередь стремился утаить свои опасения перед чрезмерно возросшим влиянием родного брата, а вовсе не планировал подставлять свою женщину под проклятия народа в случае провала стройки.

Император уж точно не предвидел последующих событий — если бы предвидел, никогда бы не взялся за это с самого начала.

Проложить Шуский тракт не удалось, да еще и репутацию испортил — чистейшей воды провал. Император хоть и был эгоистом, но явно не являлся скудоумным.

Задумка Лу Цзыяо заключалась в том, чтобы дать Императору заранее осознать невыполнимость этого замысла.

Ведь все зафиксированные в истории успешные примеры прокладки путей через Башу сводились к пробитию проходов в горах и возведению отдельных мостов. А вот возводить целую государственную магистраль — с такой невероятной сложностью строительства мир еще никогда не сталкивался.

<http://bllate.org/book/18379/1766858>